

Ся Чи понятия не имел, какая каша творится в голове у Сюй Чжэнцина, видел только, что лицо у того потемнело.

Он поднял руку и помахал перед глазами парня.

— Что случилось?

Сюй Чжэнцин очнулся. Он смотрел на Ся Чи сложным взглядом: юноша чуть приподнял уголки губ, лёгкая улыбка, внешние уголки глаз слегка скошены вверх — всё это смягчало черты, от природы очень броские.

«Жизнь уже настолько тяжела, а он всё равно улыбается, делает вид, что держится. До чего жалко смотреть.»

Сюй Чжэнцин временно придавил эти мысли и встряхнул головой.

— Всё нормально.

Как раз начался аукцион, и Ся Чи больше не стал допытываться.

Оба вошли в зал.

Места на аукционе были распределены заранее. Парни сидели в передних рядах левой секции — обзор открытый, ничто не загораживает.

Первыми на торги шли фарфоровые изделия. Особого интереса к фарфору у Ся Чи не было, но если что-то придется по душе — поднять табличку он всегда готов.

Вот, например, сейчас на торги выставили белый фарфоровый сосуд: строгие формы, белоснежный черепок, глазурь — яркая и гладкая.

Стартовая цена сто пятьдесят тысяч.

Кажется, дома он видел что-то похожее. Среди участников торгов интерес к белому сосуду был невысокий — цена застыла на отметке трехсот пятидесяти тысяч.

Ся Чи небрежно поднял номерную табличку и добавил до пятисот тысяч.

— Тебе нравится этот сосуд? — спросил Сюй Чжэнцин.

— Симпатичный, — ответил Ся Чи.

— Потолок у этого сосуда — тысяч пятьсот, не больше, — сказал Сюй Чжэнцин.

В следующую секунду:

— Из средней секции предложение — миллион, — объявил аукционист.

Сюй Чжэнцин нахмурился. Сосуд нельзя назвать редкостью, а пятьсот тысяч от Ся Чи и так уже много.

Ся Чи, напротив, безразлично приподнял бровь. Раз человек готов платить столько, значит, этот фарфор ему по-настоящему нравится. Благородный муж не отнимает то, что мило другому.

Только вот в следующий раз, когда Ся Чи снова поднял табличку, тот человек снова перебил его — на пятьсот тысяч выше.

Ся Чи оглянулся и увидел самодовольную, вызывающую ухмылку Лю Ланьфан.

Как будто говорила: и чем ты собираешься со мной тягаться.

Сан Цзы, сидевший рядом с ней, в момент, когда Ся Чи обернулся, внутренне растерялся и тут же отвёл взгляд.

Он прекрасно понимал, что делает.

Мать Гу настроена против Ся Чи, а он сам теперь связан с матерью Гу — тот наверняка запомнит его из-за этого эпизода.

Но Сан Цзы также подумал: раз тот мог удалить его из друзей в одностороннем порядке, значит, о хороших отношениях между ними говорить не приходится. Лучше не бояться обидеть Ся Чи, а покрепче держаться за семью Гу.

Приняв решение, Сан Цзы вернул взгляд на сцену и обнаружил, что Ся Чи уже давно отвернулся, оставив только прямую спину.

— Что за история с теми двоими сзади? — спросил Сюй Чжэнцин, нахмурившись.

Ся Чи чуть опустил веки, взгляд упал на номерную табличку в ладони, и он спокойно произнёс:

— Просто бешеная собака.

Сюй Чжэнцин видел, что парня обижают, и это ему не нравилось. Он прямо сказал:

— Что приглянулось — говори брату, брат выбьет.

Ся Чи приподнял бровь, взгляд снова обратился к аукционисту, уголки губ чуть дёрнулись.

— Не нужно. Жди и смотри, — произнёс он с неочевидным смыслом.

В конце концов, единственное, чего он по-настоящему хотел — это чайный сервиз.

Раз Лю Ланьфан сама напрашивается на неприятности, он уж точно не даст ей уйти с пустыми руками.

Аукционист был умелый, лоты шли быстро, и почти каждый падал молотком выше оценочной стоимости.

Когда ещё несколько фарфоровых лотов миновали, на сцену вышел новый — ожерелье с сапфиром в форме капли воды.

У Ся Чи намётанный глаз: сапфир неплохой, но не превосходный и уж точно не вершина класса.

Впрочем, для дела сойдёт.

— «Слёзы русалки», добыты на Шри-Ланке, без термической обработки. Стартовая цена один миллион пятьсот тысяч, — объявил аукционист.

Желающих на это ожерелье в зале оказалось немало, цена быстро взлетела до трёх миллионов.

Прогресс начал буксовать.

Ся Чи поднял табличку и вытолкнул цену до трёх миллионов пятисот тысяч.

В следующую секунду аукционист объявил:

— Из средней секции — четыре миллиона. Господин в передних рядах, вы ещё добавите?

Ся Чи улыбнулся.

«Добавить? Почему нет. Благородный муж не отнимает то, что мило другому, но никто не говорил, что нельзя подбросить дровишек.»

Каждый раз, когда Лю Ланьфан поднимала цену, Ся Чи перебивал её на сто тысяч — до тех пор, пока отметка не добралась до шести миллионов пятисот тысяч.

Он прикинул: это уже предел, который та способна выдержать, и остановился.

Ся Чи не ошибся.

Это действительно был потолок, который мать Гу была готова принять. Она хотела проучить Ся Чи, но лишь до тех пор, пока это не наносило ущерба её собственным интересам.

Заполучив лот, Лю Ланьфан торжествовала. Сопляк, который ещё не оперился как следует, и чем он собирался с ней тягаться.

Лю Ланьфан, уверенная в своей победе, покосилась на послушного и смышлёного Сан Цзы рядом с собой — настроение стало ещё лучше.

— Ну как тебе это ожерелье?

У Сан Цзы была милая внешность, а улыбка делала его особенно послушным на вид. Он мягко произнёс:

— Очень красивое, и очень подходит к вашему образу, тётушка.

Эта похвала Сан Цзы пришлась Лю Ланьфан весьма по вкусу. Вот кто настоящий кандидат в невестки, именно таким она его и представляла.

Сюй Чжэнцин не понимал, что задумал Ся Чи, он видел только, что лот снова достался матери Гу.

— Один раз, другой, но не в третий. Это уже явно намеренно перебивают. — Взгляд Сюй Чжэнцина похолодел. Он твёрдо решил: в следующий раз отыграется за Ся Чи.

Увидев, что друг вот-вот сорвётся, Ся Чи похлопал его по плечу и веско произнёс:

— Это же аукцион как таковой, кто больше заплатит, тот и получает. Какое тут «намеренно перебивают».

Сюй Чжэнцин посмотрел на Ся Чи с удивлением. Это Ся Чи такое говорит?

Он знал, что тот сильно изменился, но никогда раньше не видел, чтобы спускал обиду.

Ся Чи понизил голос:

— К тому же это ещё только цветочки. Не горячись, просто сиди и смотри.

Сюй Чжэнцин увидел улыбку на лице Ся Чи — та не выглядела наигранной, казалась искренней радостью.

Что-то неприятно кольнуло внутри. Показалось, что ли? Почему ему кажется, что в улыбке Ся Чи есть что-то от улыбки с ножом за пазухой.

Причём страшнее, чем та открытая мрачность, которая раньше проявлялась напрямую.

Дальше Ся Чи продолжил проворачивать тот же приём — раза три-четыре, каждый раз останавливаясь на краю цены, которую та сторона ещё могла потянуть.

Прикинув в уме сумму, он решил, что хватит, и остановился.

Повернулся к Сюй Чжэнцину и прямо сказал, зачем это было нужно.

— На самом деле те вещи мне совершенно не нравятся.

— Не нравятся, а табличку всё равно поднимал.

Ся Чи улыбнулся:

— Для другого поднимал.

Тут и Сюй Чжэнцин всё понял. Ся Чи делал это намеренно — нарочно вынуждал ту сторону брать лоты по цене, значительно выше оценочной.

За эти несколько лотов набежало никак не меньше двадцати с лишним миллионов.

У Ся Чи красивая внешность, а когда улыбается, и вовсе завораживает. Сюй Чжэнцин попал под чары — вот и возникла иллюзия, что Ся Чи кто-то обижает.

Теперь ясно: характер у Ся Чи — не в ущерб себе, ни капли не изменился.

Одним словом, и Гу Чэнь выложил ему два миллиона. Одним движением, и мать Гу в ярости спустила двадцать миллионов.

Ся Чи тихо хмыкнул.

«Мать и сын — одного поля ягоды.»

Рассудив, что те уже наверняка всё поняли, Ся Чи обернулся и слегка улыбнулся обоим — добивающий удар.

Лицо Лю Ланьфан перекосило от злости.

Потратить двадцать пять миллионов, нахватать кучу всякой всячины, и не разглядеть, что Ся Чи делал это намеренно, значит, полжизни прожито зря.

Оборачивающийся с улыбкой Ся Чи вызвал у Лю Ланьфан вспышку злобы, которую некуда выплеснуть. Она повернулась к Сан Цзы с укоризной во взгляде.

— Почему ты меня не остановил?

Сан Цзы: — ???

Лоты шли один за другим. Примерно через полчаса с лишним Ся Чи наконец дождался того, ради чего пришёл — чайного сервиза.

В выставочном зале он не успел рассмотреть его как следует, и только сейчас разглядел детали.

Чайник — округлый и основательный, с достоинством. Украшающие его цветы сливы были переданы как живые, полные природной силы, поистине рукотворное чудо.

Ся Чи совершенно застыл.

Если он не ошибается, это должна быть работа Сюань Цзина¹.

1. Сюань Цзин — вымышленный мастер исинской керамики.

Словно подтверждая догадку Ся Чи, в следующий миг аукционист приступил к описанию.

— Этот чайный сервиз «Зимняя слива» работа знаменитого мастера исинской керамики Сюань Цзина. Стартовая цена — десять миллионов.

С последним словом аукциониста атмосфера в зале окончательно накалилась.

Ся Чи быстро взял себя в руки. Не ожидал, что этот так называемый мир книги окажется полным слепком его настоящего мира.

— Один чайный сервиз, десять миллионов — с ума сошли, что ли, — пробормотал Сюй Чжэнцин, ничего не понимающий в этом.

— Пятнадцать миллионов, — поднял табличку Ся Чи.

Сюй Чжэнцин опешил:

— Он и правда столько стоит?

Ся Чи кивнул. Выражение лица непривычно серьёзное.

Лю Ланьфан увидела, что Ся Чи поднял табличку, и уже потянулась к своей, но вдруг вспомнила о только что отбитых лотах.

Двадцать с лишним миллионов — это её предел.

Лю Ланьфан свирепо уставилась в спину Ся Чи и с трудом сдержалась.

А она и не знала, что Гу Чэнь вложил большую часть средств компании в проект «Синьчэн Девелопмент», и свободных денег у неё сейчас не хватало даже на все уже взятые лоты.

Желающих заполучить этот сервиз было немало, цена сразу взлетела до двадцати трёх миллионов.

Ся Чи методично продолжал поднимать ставку.

В итоге взял сервиз за двадцать семь миллионов.

Сюй Чжэнцин счёл, что Ся Чи спятил, раз отдаёт двадцать с лишним миллионов за чайный сервиз, но это личное дело каждого, и он промолчал.

Когда сервиз был выбит, остальные лоты Ся Чи перестали интересовать, он собрался уйти пораньше.

— Ты иди, — сказал Сюй Чжэнцин. — Чётки, которые дед велел мне отбить, ещё не выставили, мне надо подождать.

Ся Чи кивнул. Ему не терпелось увидеть сервиз вживую, и они с Сюй Чжэнцином разошлись.

Сотрудник повёл юношу к отдельному кабинету. По дороге как раз попалась Лю Ланьфан — та тоже вышла оплачивать.

Она сверлила Ся Чи яростным взглядом и бросила угрозу:

— Ся Чи, попомни моё слово!

— Что, все антагонисты умеют только одну фразу — «попомни моё слово»? — с насмешкой произнёс Ся Чи.

— Что ты сказал?! Ты назвал меня антагонистом?! — Лю Ланьфан потеряла самообладание и бросилась к Ся Чи.

Как раз в этот момент сотрудник открыл дверь кабинета. Парень повернулся и вошёл.

Лю Ланьфан едва не лопнула от злости. С самого начала он ей не нравился, а теперь его просто терпеть не могла.

Знай Ся Чи, что творится у Лю Ланьфан в голове, точно бы обрадовался. Пользоваться ее расположением — это не то, что можно назвать удачей.

Тем временем Ся Чи убедился, что с вещью всё в порядке, и перевёл деньги.

Забрать можно было только послезавтра.

Закончив со всем, вышел и уже у выхода услышал за соседней стеной громкий голос Лю Ланьфан.

— Нет денег?! Не может быть, попробуй эту карту! И эту!

Ся Чи приподнял бровь и без колебаний ушёл.

Группа компаний Ся.

Уведомление о списании средств пришло, когда Лу Цзинь находился на парковке на нижнем этаже здания компании.

До старого особняка было недалеко, и он отпустил Чэнь Фэя вперёд.

На самом деле после того случая это был первый раз, когда Лу Цзинь сел за руль сам.

Он сидел в машине, долго не двигаясь с места.

Когда уже собрался вызвать водителя, выскочило всплывающее сообщение.

Разглядев сумму списания, Лу Цзинь вышел из машины и вернулся в офис.

Исинская керамика